

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК АВТОПРОЕКТ¹

ЕЛЕНА ХЕЛЛБЕРГ-ХИРН

Охота к перемене мест, как считал поэт, «весьма мучительное свойство», с чем нельзя согласиться по той простой причине, что лишение свободы передвижения ощущается гораздо мучительнее (что сознавал и сам «невыездной» Пушкин, мечтая о Европе).

Передвижение в пространстве в моем случае было изначально задано как спасение от страшной действительности осажденного Ленинграда в сравнительную безопасность детдома на Урале, где я, хотя и едва не умерла от дистрофии, выжила, вопреки всему.

Одинокое детство в послевоенном Ленинграде скрашивалось любовью к книгам. Отличница и впоследствии медалистка Елена Георгиевна Филатова, я легко сходила в школе за «свою», хотя ревнители национальной чистоты и находили в моей внешности (кто ищет, тот всегда найдет) признаки расового отличия – еврейство было зарублено на носу. Как и двойная идентичность: русский отец и мать-еврейка. На фоне Дела врачей и бытового антисемитизма, навязывание мне принадлежности к расово «чужим» больно затронуло меня, хотя я и ходила в женскую школу, где уровень агрессивности был намного ниже, чем в мужских школах.

Кроме расистской маргинализации, советский коллективизм определил выбор национальности при получении паспорта: с русским именем и фамилией я стала официально русской, пятый пункт был в порядке, я поступила с золотой медалью на английское отделение в Институт иностранных языков, позднее слившийся с Ленинградским университетом.

Выбор идентичности происходил как осознанное волеизъявление. Ощущая себя русской, я, тем не менее, стремилась быть причастной к европейской культуре. Английский язык открыл мне новые пространства, неизведанные и манящие, но, увы, запретные. Именно иностранный язык чудом вывел меня в зазеркалье. По окончании университета я вышла замуж за шведа и одной из первых в послесталинском Ленинграде уехала легально «за бугор» на постоянное жительство.

В Швеции началась практическая география: освоение нового социального и культурного пространства. Перемена места сказалась прежде всего в том, что этнически и социо-культурно я стала действительно чужой. Возникло растущее осознание того факта, что при перемещении в пространстве отчуждение возрастает с квадратом расстояния, обратно тому, как по законам физики слабеет сила притяжения.

Когда в Швеции у меня родился сын, я поменяла гражданство. Меня пугала перспектива того, что по советским законам дети, рожденные за границей от советской матери, становятся автоматически советскими гражданами и могут по достижении 18 лет быть призваны на военную службу. Зато шведский паспорт сделал меня иностранкой на родине, и там мне это до сих пор дают понять подчеркнуто тщательным досмотром при пересечении границы.

Мой диплом по английской филологии не признавался в Швеции, пришлось подавать прошение на королевское имя о высочайшем соизволении разрешить мне начать снова учиться в университете. Я закончила отделение славистики и стала преподавать русский язык и культуру, вести радио- и телекурсы, писать учебники. Я была в Швеции одной из первых свежих носителей языка, за что меня сразу же невзлюбили старые эмигранты: для них я стала олицетворением ненавистной советской власти.

С сыном я до трех лет говорила по-русски, но когда он пошел в садик, он запротестовал, не желая выделяться и быть чужим. Русскоязычной среды у нас практически не было, и постепенно мы перешли в семье на шведский; теперь после многих лет это мой второй родной язык. В Швеции я более или менее успешно старалась быть шведкой, избегая эмигрантских кругов, сплетен и интриг.

Тем не менее, русскость стала моей профессией. Я научилась петь народные песни и танцевать народные танцы, печь пироги и носить национальный костюм, чтобы пойти навстречу ожиданиям своих шведских коллег и учить всему этому студентов-русистов. После защиты диссертации, особенно работая в Норвегии, я ощутила себя русской по определению извне. Устарелые этнические стереотипы, почерпнутые из романов Достоевского и американских фильмов типа «Анна Каренина» с Гретой Гарбо в заглавной роли, с наивной неразборчивостью применялись там ко мне: считалось, что я, выпив водки, буду бросать рюмку об пол, плясать на столе, играть на гитаре и петь «Очи черные». Русская экзотика подпитывалась тем, что в эпоху железного занавеса живые контакты с Россией и ее жителями были слишком редким явлением в Скандинавии. Этот политический контекст порождал нереальный горизонт ожидания при встрече с реальными русскими людьми.

Тем не менее, в глазах скандинавов я все-таки не была «настоящей русской», главным образом потому, что не исповедовала православие. Я выросла в советскую антирелигиозную эпоху, без какой-либо конфессиональной принадлежности; не только без родителей, но и без семейных традиций бабушки и дедушки. Православие, как и христианство вообще, было для меня прежде всего связано с искусством, литературой и музыкой, библейскими сюжетами картин в Эрмитаже и Русском музее, с церковной архитектурой.

В Норвегии я преподавала на шведском языке, все понимали меня, а я сначала не понимала совсем никого, потом постепенно привыкла и начала разбираться в норвежских диалектах². Освоение этой культурной географии заняло десять лет.

Научная работа в Норвегии и занятия фольклористикой и семиотикой привели меня на стажировку сначала в Институт славяноведения и балканистики в Москве, а затем в Финляндию. В Хельсинки я нашла Славянскую библиотеку и русское меньшинство, сохранившее культуру и язык дореволюционной России³. Позднее я открыла для себя новое русскоязычное население переселенцев из Ингерманландии⁴. Появилось общение на русском языке. Теперь уже около 40 000 русскоязычных живет в Финляндии. По величине эта группа достигла уровня традиционно проживающего в Финляндии шведского меньшинства.

В Хельсинки я живу в шведском окружении. С моим финско-шведским мужем и с его друзьями я общаюсь по-шведски, а финский язык окружает меня как море вокруг моего шведского острова, и я осторожно окунаюсь в это незнакомое языковое море. На вопрос откуда я, отвечаю обычно, что из Швеции, чтобы не вызывать отпора местных русофобов. Для патриотических финнов Швеция тоже старый враг и захватчик, но Россия и русификация начала XX в. ближе по времени, да и финская война далеко не забыта.

Шведское меньшинство в Финляндии, несмотря на свою малочисленность (в настоящее время около 5% населения) имеет культурную автономию и уникальные права. Шведский язык официально второй государственный, у шведов есть свои социальные учреждения, политическая партия, университетское образование, газеты и журналы, фонды, издательства, школы, театры, радио и телевизионный канал... Русское меньшинство пока не требует себе прав наравне со шведским, но, кажется, это только дело времени.

Культура и быт Финляндии показались мне сразу ближе и знакомее, чем жизнь в других скандинавских странах. Общим был антропологический тип людей, их поведение, одежда, еда и обычаи, не говоря уже о природе. В Норвегии на меня падали горы, а в Финляндии я полюбила открытое пространство полей, бесконечные грибные и ягодные леса и тихие озера. Историческая общность с Московией, сложившейся на финноугорских территориях, и с Россией в период Великого Княжества Финляндского наложили свой отпечаток на культуру и традиции обеих наций, особенно в Карелии, колыбели финской этнической самоидентификации⁵. Но взаимен безразличной шведской доброжелательности и наивно-романтического норвежского недопонимания, меня в Финляндии, особенно среди «простых людей», встретила глухая, а порой и явная,

упорная неприязнь, даже враждебность. Упрощенное стереотипное видение извне навязывало мне теперь маргинальность уже по трем измерениям: ибо финны недолюбливают шведов, и с большим недоверием относятся к русским; финские шведы не принимают мою русскость, а местные русские — мое предполагаемое еврейство, и к тому же, чуждую им шведскость.

Приходится лавировать между трех огней и не рассказывать всю историю жизни каждому встречному-поперечному. Защитой от этнической маргинализации становится статус и моя социальная роль. Теперь я профессор, автор учебников, статей, и монографий, где я критически рассматриваю символический мир русской идентичности на примере общепринятых национальных символов (двуглавый орел, народный костюм, матрешка, и т.п.)⁶. Я пишу и читаю лекции на шведском, русском и английском языках в достаточно интернациональной и толерантной университетской среде. Профессиональная идентичность в моем случае переплетается, хотя и не вполне совпадает с этнической и социальной. Личный статус сочетается с семейным: муж — известный ученый, его предки — несколько поколений университетских профессоров и деятелей культуры — обладают общепризнанным культурным капиталом⁷.

Моя история с географией представлена в свернутом виде в имени:

Елена Георгиевна Филатова обозначает исходную точку, русское начало; Лена Хеллберг, или Елена Филатова-Хеллберг (без отчества) это Швеция и Норвегия; Елена Хеллберг-Хирн это мой финско-шведский период. По иронии судьбы, моя нынешняя шведская-плюс-немецкая фамилия воспринимается в России как еврейская.

Иронично и то, что я теперь в Финляндии принадлежу к двум — трем меньшинствам одновременно и ни к одному из них полностью. Русское, шведское и еврейское меньшинства относительно хорошо ассимилированы, но все же с точки зрения финского большинства все они достаточно маргинальны. Больше всего моей собственной ассимиляции мешает плохое знание финского языка, и нет надежды, что оно станет лучше, пока я говорю дома по-шведски, на работе по-английски, а с друзьями по-шведски или по-русски.

Маргинализация затрагивает еврейские меньшинства во всех странах; в Финляндии финские шведы ведут себя изнутри и снаружи так же, как еврейство. Обе группы одинаково озабочены сохранением своих этнических традиций и культуры, уповая на тесные связи и знакомства. Их стратегия накопления материального и культурного капитала, широкой родственной взаимопо-

мощи и сплоченного отстранения от чуждых этносов вполне аналогична еврейской.

Мой личный опыт «меньшинства в кубе» включает в себя стратегию выживания в не всегда благоприятных условиях, без полной интеграции, но и вне тотальной маргинализации. Скорее это не групповой, а индивидуальный проект, ибо нет группы, в которой я считалась бы совершенно своей.

Практическая география заявила о себе как раскрытие личностного проекта *self-made woman* и как освоение соответствующих скандинавских идентичностей. В отдельном конкретном случае именно социально-культурный контекст определяет, какую роль я выберу для себя. Каждая новая самоидентификация не отменяет, а дополняет набор моих жизненных компетенций, открывая возможности для новых стратегий. Индивидуальный проект означает для меня как европейски ориентированного человека стать частью открытого и свободного мира. На языке советской эпохи я была и остаюсь безродной космополиткой.

Но идея личной свободы и основные европейские ценности были все же заложены в юности, в Ленинграде, ныне снова Петербурге. В городе, смысл и роль которого неоднозначны, а имена множатся: от девичьего «Санкт-Петербург» через советский «Ленинград» снова к Петербургу или скорее Ленинбургу, а в будущем возможно и Путинбургу... Его европеизированность и неуколенность в национальной культуре создает у его жителей раздвоенное сознание. Я изоморфна родному городу — он оставил во мне свой глубокий след⁸.

Мой роман с границей и «странная», т.е. странническая, жизнь складывались по принципу монтажа, разворачиваясь в пространстве и времени как параллельный процесс вынужденной ассимиляции и диссимиляции. Свой «добровольный крест» инобытия я несу с большой долей оптимизма, но и со смиренным сознанием того, что многим миллионам перемещенных и добровольно мигрировавших лиц подобный опыт достался гораздо тяжелее.

Моя Одиссея закончилась (пока?) в Хельсинки, совсем недалеко от того места где началась, описав если не полный круг, то растянутую петлю. Я обитаю в незаземленной сфере или в некоем «междумирии», под собой не чужа страны, но во мне идет непрерывное свертывание и развертывание очарованного пространства, как в русской народной сказке о трех царствах, каждое из которых закатано в яйцо⁹.

А если перейти от фактов к некоторым обобщениям, то пройденный жизненный путь и опыт практической географии хорошо иллюстрирует те стадии самоидентификации (этническая, статусная, ролевая и проектная), которые предложены в классифика-

ции Г.Л. Тульчинского¹⁰. Этническая стадия определяет личность по принадлежности к этносу и подтверждает ее идентичность внешним обликом, одеждой и поведением. Статусная представляет личность по заслугам и профессиональной востребованности, наряду с личной компетентностью, подтвержденной документально. Ролевая самоидентификация опирается на выполняемые социальные роли, а проектная строит жизненные стратегии и планы на основе известности и узнаваемости.

Переходя из личного плана в более общий можно сказать, что тема самоидентификации связана с многомерным комплексом социально-культурных контекстов, постоянно варьируемых в пространстве и времени. Переключение ролей в динамичном поле национальных и конфессиональных, семейных и корпоративных, поколенческих и статусных условий обеспечивает свободу выбора и гибкость при реализации жизненных стратегий, когда то одна, то другая сторона личности может проявлять себя в зависимости от обстоятельств.

Любой меняющий место жительства, а в особенности страну и язык, вынужден решать проблему своей причастности или непричастности либо как личный автопроект, либо коллективно, например, вступая в землячества или этно-национальные сообщества, начиная петь народные песни, носить по праздникам народный костюм и бороться за права своего этнического меньшинства. Но платой за невосполнимые потери при перемещении в пространстве нередко бывает отчуждение, изоляция, регресс, периоды депрессии. Неадекватность поведенческих и языковых кодов, невольные промахи и выпадание из нового социального контекста болезненно воспринимаются многими как личный недостаток или как несправедливые удары судьбы. Тем не менее, если срабатывает защитная реакция поиска «своих» и профилактическая магия причастности к делам бывшей родины, чувство надежности и уверенности в своих силах возрастает порой настолько, что практическая география приобретает характер игры, даже не лишенной озорства.

И хотя свобода всегда чревата опасностями, в лучшем случае игра с перемещением в пространстве становится хорошей школой независимости и личной самодостаточности, или «софийности», в том смысле, как это понимал В.Н. Топоров¹¹. Главное в этой ситуации все же — свобода передвижения и свобода выбора, которую несет с собой глобализация. Это ее бесценные дары. А горькие издержки глобализации познаются как утрата былой стабильности, когда все растущее число людей живет подобно перелетным птицам, под собой не чуя страны, во все более непредсказуемом виртуальном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под практической географией здесь имеется в виду не столько география сама по себе, сколько освоение жизненного пространства и соответствующих идентичностей в личной практике субъекта во внесоветском и постсоветском контексте.
- ² Норвежских диалектов около 40, при том, что нет единого устного национального языка, но есть два письменных варианта.
- ³ О русском меньшинстве в Финляндии см.: *Baschmakoff N. and Leinonen M. Russian Life in Finland 1917 – 1939: A Local and Oral History // Studia Slavica Finlandensia. Т. XVIII. – Helsinki, 2001.*
- ⁴ Ингерманландцы начали переселяться в Финляндию в 1970-е гг. по инициативе президента Мауно Койвисто.
- ⁵ «Карелианизм» стал основой финского национального самосознания как реакция против насильственной русификации на рубеже XIX – XX вв. Поэтика Калевалы, карельские мотивы в картинах Галлен-Каллелы и музыке Сибелиуса дали поборникам финномании желанные образы исконной финской культуры.
- ⁶ См.: *Hellberg-Hirn E. Soil and Soul. The Symbolic World of Russianness. – Aldershot: Ashgate, 1998.*
- ⁷ Наибольшей известностью в Скандинавии пользуется Юрье Хирн (Yrjö Hirn, 1870 – 1952), профессор эстетики и автор многих книг по теории литературы и культуры. Согласно Бурдьё (Pierre Bourdieu), культурный капитал имеет идеальный характер; сюда относится идеология, образование и культурные практики, а также престиж, слава и честь. Культурный капитал является символическим выражением более или менее прочных социальных позиций. Это синоним социального статуса.
- ⁸ Петербург – тема моей монографии «Imperial Imprints. Post-Soviet St. Petersburg» (Helsinki: SKS, 2003). Русский перевод: Печать империи. – СПб.: Европейский дом, 2008.
- ⁹ *Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Т. 1. – М.: Наука, 1985. – С. 128 – 130.*
- ¹⁰ См.: *Тульчинский Г.Л. Культурная идентичность, самозванство и новая антропология: перспективы постчеловечности. Семиозис и культура. – Сыктывкар: КГПИ, 2008. – С. 12 – 17; Тульчинский Г.Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности // Человек.ру. Гуманитарный альманах. № 4. Антропологические практики в искусстве. – Новосибирск, 2008. – С. 42 – 66; Тульчинский Г.Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология // Человек. 2008. № 1. – С. 43 – 57; и др. работы.*
Последняя, постчеловеческая перспектива стать «человеком без свойств», видимо, мне еще предстоит. Способность к быстрой ориентации и переключению кодов восприятия и поведения стала условием жизненной компетенции.
- ¹¹ См.: *Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. – М.: Гнозис, 1995.*